

Отчет утопленников

Мариинский театр представил мировую премьеру «Ундины»

Коммерсантъ - 2006 - 18 марта - с. 9.

Премьерой балета «Ундина» в постановке хореографа Пьера Лакотта в Мариинском театре открылся VI Международный фестиваль «Мариинский». ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА считает, что французская стилизация романтического балета — как раз то, чего не хватало петербургской труппе для утверждения в качестве мирового лидера.

Фестиваль «Мариинский» — главное балетное событие петербургского сезона. Международность ему обеспечивают ведущие солисты лучших мировых трупп, приглашенные выступить в спектаклях «Дома Петица». Однако главное содержание фестиваля — выставка достижений петербургской труппы и демонстрация ее перспектив. В эту весеннюю десятидневку обычно умещаются и программные премьеры сезона, и бенефисы кумиров публики, и явления новых звезд.

С Пьером Лакоттом, признанным мастером стилизации старинного балета, у Мариинского театра были сложные отношения. Методу знаменитого француза, придумывающего свои спектакли на основе старинных рецензий и гравюр, петербуржцы противопоставляли свой, «научный». В Мариинке восстанавливали балеты Петица с помощью дореволюционных записей режиссера Сергеева и открыто презирали лакоттовскую «Дочь фараона», поставленную им в Большом театре почти одновременно с петербургской реконструкцией «Спящей красавицы». Однако успех московского спектакля заставил практичных петербуржцев поступиться принципами, и два года назад француза пригласили поставить «Ундины» по мотивам исчезнувшего балета Жюль Перро, автора «Жизели». Тогда премьера сорвалась, хотя балетмейстер почти доделал спектакль: приоритет был отдан современности — труппа осваивала головоломки Уильяма Форсайта. Теперь пришла очередь редины XIX века.

«Ундина» появилась в те времена, когда балет (как, впрочем, и другие виды искусств) захлестнула мода на все потустороннее. Контакты с миром духов завораживали и манили, обещая упоительное помешательство и прекрасную гибель. Тема роковой любви видения к смертному кормила балет долгие десятилетия и породила немало шедевров. Среди них была и «Ундина», которую француз Жюль Перро в 1843 году поставил в Лондоне на музыку Чезаре Пуни, а восемь лет спустя, основательно переработав, перенес в Петербург под названием «Наяда и рыбак». Историю страсти водяной девы, разлучившей сицилийского рыбака с невестой, балетмейстер Перро, сам страдавший от превратностей любви, дополнял все новыми подробностями и разными вариантами финала — от гибели всех участников любовного треугольника до всеобщего спасения.

Приступив к реконструкции этого исчезнувшего балета, балетмейстер Лакотт выбрал лондонский сюжет — трагический. Водяная дева умирает на суше прямо во время бракосочетания, отчаявшийся рыбак топится в море. Справиться с его перипетиями ему так и не удалось — во всяком случае, без программки не разобрать, что, собственно, происходит. Сюжетные линии обрываются, судьбоносные мизансцены проскакивают второпях, логика действия (пусть и волшебного) хромает на обе ноги. Так, незапланированный смех вызывает сцена сна рыбака Маттео: засыпает он на кровати в собственной комнате; кровать, трансформированная в живописный при-

Молодые солисты Евгения Образцова и Леонид Сарафанов с блеском справились со всеми хореографическими каверзами Пьера Лакотта

ФОТО ВАЛЕНТИНА БАРАНОВСКОГО

горок, вместе с ним переносится в подводное царство и начинает елозить из кулисы на сцену и обратно, доставляя героя к Ундине только в тот момент, когда ее нужно подержать в дуэте. Задолго до конца балета бесследно исчезает заколдованная Ундиной невеста Маттео — хореограф явно не придумал, как ему развязаться с этой навязчивой особой. Но главная потеря — вошедший во все балетные анналы танец наяды с собственной тенью, во время которого она понимает, что стала обычной смертной. Эпизод, такой же важный для «Ундины», как сцена сумасшествия в «Жизели», хореограф попросту проигнорировал. Словом, режиссура — как в постановке мизансцен, так и в разработке драматического действия — не самая сильная сторона госпожи Лакотта.

Удачнее он выступил как сценограф: видны ослепительно бирюзового моря, обрамленного изумрудно-зелеными соснами, живописными домиками и вполне натуральными лодками, наивны, как настенные коврики, и отлично сочетаются с бесхитростностью балета. А роскошные многоцветные костюмы, комбинирующие бытовое платье XIX века с традиционной балетной «итальянщиной», помогают артистам Мариинки ощутить себя танцовщиками позапрошлого века.

Однако главную иллюзию «старинности» создает хореография. Пьер Лакотт все свои спектакли ставит на основе француз-

ской школы танца, в середине XIX века доминировавшей по всему миру (в том числе и в России, непрерывно выписывавшей самых модных парижских хореографов). Этот стиль танца — отчетливый, блестящий, фонтанирующий мелкой техникой, изобилием антраша, всевозможных поворотиков-пируэтиков, вспышками трамплинных прыжков (с коротким толчком и моментальной фиксацией позы в воздухе) и графичностью поз — в XX веке был основательно подзабыт и теперь выглядит неоспоримой стариной.

Мариинская труппа, традиционно исповедующая диаметрально противоположную эстетику танца, с поразительной основательностью освоила изысканные излишества французской балетной кухни. Похоже, восприимчивость петербуржцев спровоцировала фантазия господина Лакотта — ни в одном своем балете он не наворачивал таких головоломных комбинаций, не накручивал таких быстрых темпов, не придумывал таких изощренных сочетаний па. Непрерывный поток танцев — массовых, ансамблевых, сольных — способен утомить неопита, неискушенный зритель упрекнет их в однообразии. Но для гурманов это сущее лакомство: с победительным мастерством и изяществом петербуржцы дают распробовать все тонкости и оттенки иноземного блюда.

Главными триумфаторами стали исполнители центральных партий Евгения Образцова и Леонид Сарафанов. Актерскими

свершениями они не поразили, корректно удержавшись в рамках амплуа. Но по части техники едва ли кто-нибудь из отечественных звезд смог бы соперничать с этими юными артистами. 21-летняя Евгения Образцова, занимающая в театральном иерархии более чем скромное положение корифейки, танцевала с такой невозмутимой легкостью и точностью, будто выросла в школе Парижской оперы. Ее крепкие воспитанные ножки справлялись с любыми темпами, с любыми каверзами иезуитских комбинаций; округлые ручки сохраняли плавность и непринужденность, личико безмятежно выражало приличествующие моменту чувства — от невинной восторженности до трогательной обреченности. 24-летний Леонид Сарафанов, известный своей виртуозностью, на сей раз превзошел самого себя. Воодушевленный его возможностями Пьер Лакотт буквально завалил танцовщика вариациями — трудно не то что станцевать, но даже пересказать те немислимые сложности, с которыми шутя справляется этот легконогий премьер с личиком обиженного ребенка.

Петербургский «Дом Петица», последовательно освоивший стилистику Джорджа Балланчина, Уильяма Форсайта, английского драмбалета и русского модерна, взял последний бастион на пути к универсальности, покорив французскую «Ундины». Пожалуй, таких полиглотов действительно нет нигде в мире.

68